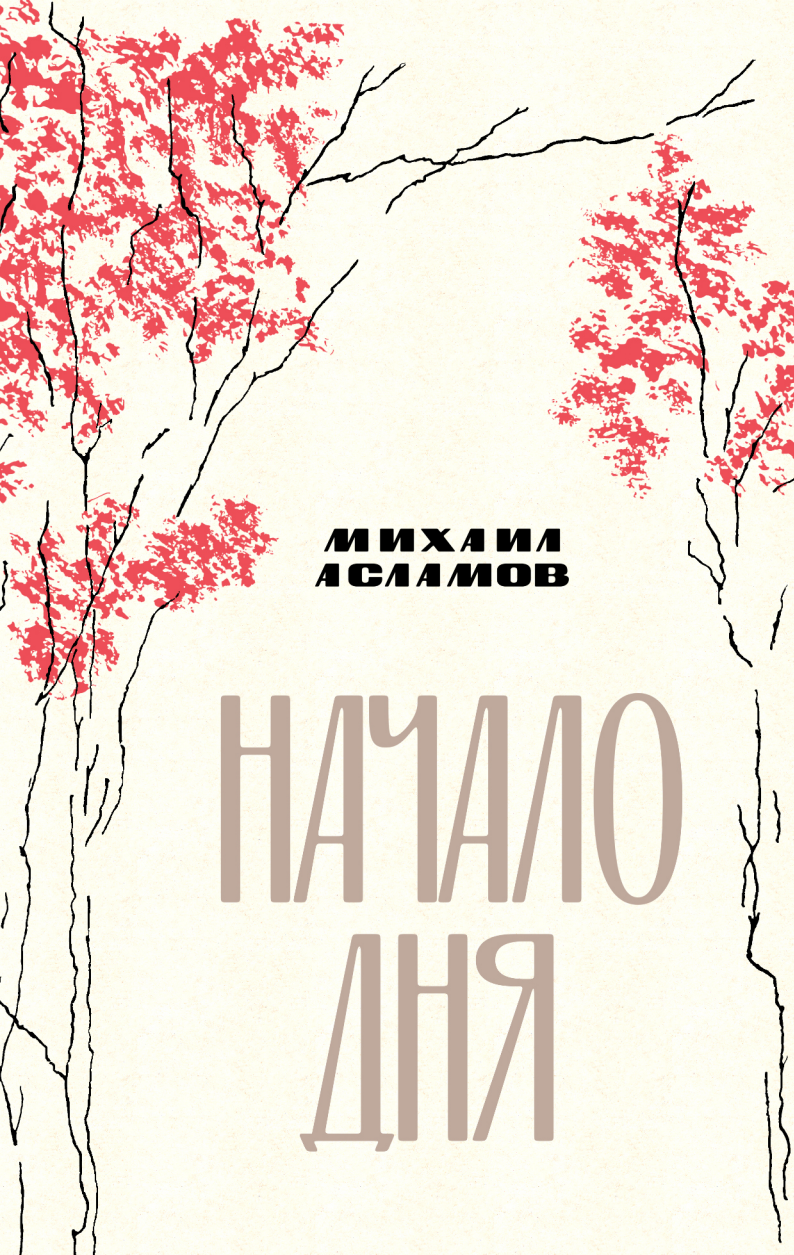




**МИХАИЛ
АСЛАМОВ**

НАЧАЛО
ДНЯ

ПОЭТЫ ПРИАМУРЬЯ



«Начало дня» — второй сборник М. Асламова. В него вошли стихи о радости овладения ремеслом, о доброте и щедрости человеческого сердца, раздумья о жизни, о высоком назначении человека, воспоминания. По своей основной лирической теме книжка органически связана с первым сборником «Пусть настезь дверь».

Михаил Асламов начал свой трудовой путь тринадцатилетним подростком в годы Великой Отечественной войны. Он был токарем, машинистом на пароходах, судомонтажником, мастером. Большой и нелегкий жизненный опыт придает его стихам достоверность и убедительность.

**МИХАИЛ
АСЛАМОВ**

НАЧАЛО ДНЯ

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

P 2
A 90

Окна мастерской

На искривленном, будто сук,
 мысу,
Скворечнею казалась мастерская.
Не обижая, но и не лаская,
Она меня учила ремеслу.

И вечно было сумеречно в ней,
Как в бане той,
 что топится по-черному.
Гляделось солнце в окна закопченные
Ночной не ярче сменщицы своей.

И было так нерадостно смотреть,
Как будто жизнь мне
 эти окна застили!
И, разозлясь, сказал я как-то мастеру,
Что хорошо бы — окна протереть.

И вот три смены — вдохновенно злой,
В руках ведро и рукава по локоть —
Смывал я с окон
 вековую копоть,
Одаривая их голубизной.

И солнце,
 солнце удивило всех:
Оно винтом по цеху заходило!
И токарей усталых молодило,
И с неохотой покидало цех.

Так вышло — и считаю, повезло, —
Что, начиная ремеслу учиться,
Я прежде
 окна осветлил тряпичей,
Чтоб с солнцем
 побраталось
 ремесло!

* * *

Из разночтения,
 разномастья
Философических доктрин
Я, практик, вывел:
 Время — мастер,
Что в творчестве неукротим.

Знатоки пропорций, форм и веса,
Оно упрямо лепит жизнь.
Дожди и солнце
 для замеса
На землю проливает высь.

Нет единичности подобий —
И потому так нелегки
Его
 жестокие ладони,
Его
 суровые шлепки.

И бьет,
 и гладит против шерсти
Так, что становится подчас
Жаль,
 что понятие совершенства
Все совершенствуется в нас.

Размышления на угольном разрезе

Степь коричнево темна,
Шебуршит бурьян постыло...
После понял,
 что пустынность —
Просто видимость одна.

Вот автобусик свернул,
Юркнув мышью в кавальеры* —
В них,
 как будто в Кордильерах,
Весь поселок утонул.

Пишут (знаю одного):
«Лихо
 уголь добывают!»
Что, конечно,
 забавляет
Добывающих его.

Все пойму еще, пойму...
Вот он,
 чудо-экскаватор!

* Кавальеры — отвалы пустой породы.

Я гляжу: не узковата ль
Степь гигантскому ему?

А работа не проста:
Зарываясь в дерн и глину,
Надо горы перекинуть,
Чтоб добраться до пласта!

Не свожу с гиганта глаз,
Я работу уважаю,
Потому как обнажаю
Вроде б тоже
 некий пласт.

Я не льщу себе, не льщу.
Не боясь работы черной,
В глубине
 под всяким дерном
Жилу истины ищу.

Как выходит — не сужу,
Не пристало пустословить.
Но к тому же я сословью,
Что и он,
 принадлежу.

Родственничек — ничего!..
Не скрываю — очень лестно.
Только грустно:
 не железный
Я, в отличие от него...

* * *

Кто выдумал: «Старо, как мир»?
А мир — какой он, к черту, старый!
Мир стар,
 когда ты сам — усталый,
Когда ты сам себе не мил.

Но стоит утром из ковша
Хлебнуть воды, ледком покрытой —
В тебе зайдетсЯ вдруг
 от крика
Новорожденная душа!

Как будто, в трубы не трубя,
Свершило утро за мгновенье
Ликующее
 обновленье
Земли, и неба, и тебя.

И ты — не в силах устоять,
Ты, заразясь примером утра,
Шагнешь с крыльца светло и мудро
С одним желаньем — обновлять!

Механик

Я. П. Сурнину

Когда сбивают поршни споро
Густое масло день и ночь,
И он не прочь за разговором
Водицу в ступе потолочь.

На палубе, на жесткой банке,
Плечами дружескими сжат,
Травить механик станет байку
Для устрашения салажат.

Но смолкнет он на полдороге,
Когда, веселью вопреки,
Вдруг
 дуновение тревоги
В глазах задует огоньки.

И враз — прорежутся морщины
И отрешенным станет взгляд.
«Механик слушает машину», —
Кому-то тихо пояснят.

Механик слушает машину —
Как бы ступая по следам,

В тяжелых звуках
 мешанину
Он разбирает по складам.

В ее звучании привычном,
Как бы ни пряталась беда, —
Он различит
косноязычье
Вдруг ослабевшего болта.

Машину слушает механик.
Так мать, встревожась без причин,
Ребенка спящего дыхание,
Застынув, слушает в ночи.

Сказать: «в себя ушел»?
Как глупо!
Ушел, да только не в себя.
Здесь нет его.

Есть символ слуха.
Он там, тревожась и любя,
Где правят выдохи и вдохи
И рычагов согласный бег...

Смотрите:
в грохоте эпохи
Вдруг чутко замер человек.

Утро в селе

Уже рассвет в село стекал с хребта,
И в утреннее зыбкое молчанье
Срывались лай собак,
коров мычание
И выстрелы пастушьего кнута.

Проснулись избы, легкий дым струя,
Петух вовсю горланил на заплоте...
И ощущение
 отдохнувшей плоти
Влекло к переоценке бытия.

Мне думалось: «О, просвещенный век!
Век музыки
и популярных лекций,
Век светлых увлечений интеллекта...»

«Жив не единым хлебом человек!»

«Жив не единым...» — Истина проста,
И не заржавеет, не полиняет.
Но как ее старательно слюнявят,
Крылатую ее,
уста хлюста!

Он научился фразу применять
И не допустит никакой оплошки,
Размахивая ею,
 словно ложкой,
Удобной очень пеночки снимать.
И смотрит он отныне свысока
На лоб в поту, на жесткие ладони...

«Жиг-жиг, жиг-жиг» —
 из вымени в подойник —
Вдруг зазвенели струйки молока.

И голос струй — и светел, и нелжив —
Был звуком струн под пальцами природы.
И слушал я
 с пристрастьем Гесиода
Торжественное, струйное — «жиг-жиг...»

«Жиг-жиг, жив-жив!» — так точатся ножи —
В моей душе упрямо пробивалось,
Чтоб никогда уже не забывалось,
Что человек, во-первых,
 хлебом жив!

* * *

Уснули в бревенчатом доме
Усталые плотовщики —
Всю ночь
 не отнять от ладони
Сухой прикипевшей щеки.

Во сне, уподобившись маленьким,
Губами смешно шевелят...
А день был до чертиков
маятный,
Умаяла сплотка ребят.

Но весело было, хоть жарко!
Потом, затеяв игру,
Девчата сказали мне:
— Жалко,
Что вам уезжать поутру...

А вправду,
остаться бы в Чильбе?!
Здесь мастер — отчаян и крут —

Работам сплавным
 обучил бы
(А мастера Дашей зовут...).

Вот так вот
 родитель упорный
Когда-то, в начале начал,
Владеть топором
 нетопорно
Сурово меня обучал...

Уеду
 по старому следу,
Пора мне, девчата, пора.
Из юности будто
 уеду,
Где властвовал культ топора,

Что, искре подобно запавшей,
Таится в душе до поры,
Быть может
 готовностью нашей —
Коль надо! — принять топоры.

Коль выпасть придется такому —
Любую работу поднять!..
Чего, между прочим, другому —
Не нашей кости — не понять...

В распадок,
 в глухую прореху,

Вползает туман, невесом.
Как будто с обрыва да в реку,
Срываюсь
и плюхаюсь в сон.

Уже утопая бесследно,
Еще, не сдаваясь, держусь
За мысль,
что, конечно, — уеду.
И что — непременно! — вернусь...

В рессорном цехе

Печь,
 исходящая гудом, —
Чудовищем на боку.
Чудовище
 за секунду
Выбрасывает по языку.
По узкому,
 словно жало,
Беспомощному на вид.
Им
 укротителя
 шало
Лизнуть оно норовит.
Лизнет — и месяц
 зализывай
Огненный след языка...
У этого,
 белобрысого,
Видно, крепка рука.
Ритм — как удары пульса,
Печи несмолкаем гул.
Вот
 укротитель
 нагнулся,
Клещи вперед метнул.

Мгновенье — и жало вырвано!
И вытянувшись
на носки,
Рабочий полосу выронил
В обжимочные тиски.
Качает работа парня,
Выкачивает
сто потов...
Покачиваются
шикарно
На быстром ходу авто.
Так мягки толчки и упруги,
Что кажется:
на весу
Чьи-то могучие руки
Вас над землей несут.
Под мягкий,
под шинный шелест
Задумайтесь вы в пути:
Где же
такую душевность
Рессоры могли обрести?
Да, вспомнить об этом
не лишне:
Ведь в вещи — я спорить готов —
Навек воплощаются
личные
Качества мастеров.
Те качества
щедро растрачиваются
В гулких, как день, цехах...
Как вам, товарищ,
покачивается
На крепких рабочих руках?

* * *

То отблестело,
 что блистало,
И сердца — не омолодить...
Вот память зрительная
 стала
Меня все чаще подводить.

Она,
 которой так гордился!
В уме примет роился рой:
— Вы про кого?
 А — нос с горбинкой!
— Да, да, веснушчатый такой...

Теперь же память — сплошь и рядом —
Другая стала на людей:
— Вы про кого?
 А — тот, что предал...
— А, тот, что выручил в беде!

Амурск

Амурск...

Хочу тебя понять,
Рассматривая подетально,
И все, до сокровенной тайны,
В себя глотком воды

принять.

Все, все — от жителей твоих
До тонкой росписи и лепки!
Ты весь

какой-то очень летний,
Как пушкинский открытый стих.
Сродни ему твоя краса,
И ясность форм,
и чувство света...

Встает рассвет.

Твои поэты

Уже восходят на леса.
У вдохновения в плену,
Они искусны и упрямы.
Гудка

ликующие ямбы

Вдруг разорвали тишину.
Людей, машины — все вокруг
Уж подчиняет ритм рабочий,

И первый ряд
кирпичных строчек
Легко выходит из-под рук...

Когда ж темнеет все окрест,
И ночь плывет проспектом Мира,
И девушек
проносит мимо,
Туда, где слышится оркестр;
Когда — и влажный, и сквозной —
С реки потянет ветер ровно,
И отзовутся ветру

кроны
Ночных деревьев над головой —
Я вдруг увижу:

край земли,
Огней мерцающая гамма...
И кажется, что это —
гавань.

И не дома, а корабли,
Что ждут сигнального гудка,
Чтоб плыть
легко и озаренно...

Таким ты создан — устремленным,
Как в море корабли,
в века.

Шаг времени

...А Русь жила вальяжно и покойно,
Мыслишек истребя чертополох,
Когда взобрался вдруг
на колокольню —
На божью! — дерзновеннейший холоп...

Стекало утро тихо и румяно
На площадь
под людской тревожный гул.
И ремешки из кожи сыромятной
Он на руках могучих захлестнул.

И крылья поднял, и вздохнул глубоко,
И, оттолкнувшись, над толпою взмыл —
И косо тень прошла
по лику бога,
И ахнул люд, и поп трусливо взвыл.

Лишь на минуту красная рубаха,
Как знамя,
полыхнула на ветру.
Он с высоты низвергнулся на плаху,
А крылья были преданы костру...

* * *

Сердечно приветил меня
Морозной зимой Благовещенск —
Недаром он был мне обещан
Задолго до этого дня.

Здесь сны, закусив удила,
Под посвист кнута и полозьев
Меня по сугробам увозят,
И слышатся колокола.

Но смолкнет малиновый звон,
Когда, за века удаленный,
Замру я в дверях,
 удивленный
Внезапную сменой времен:

Возносится отзвук гудков
К уже потухающим звездам,
Дрожит разморожено воздух
От гула рабочих шагов.

А над половодьем машин
Собор, подожженный рассветом, —

и явная зависть приметна
В задумчивых сборках морщин.

И сердце мое пламеня,
Проснется нежданная легкость,
Как будто бы утро под локоть,
Шутя, подхватило меня.

Оно или ночь мне дала
Счастливое чувство обновы?..

Недаром мне снились подковы
И слышались
колокола.

* * *

К речам высоким в наши дни народ
Стал осторожен.

Он ли в том повинен?
Скорее дело в том, что и поныне
Их, краснобаев-то, неprovорот.

Глядишь: вития — ну и голова!
Бьет в грудь себя,
как будто душу будит.
А там давно уж не душа, а бубен —
Бренчат всюю высокие слова!

А что народ?
— Давай, давай, бреши!..
Такая получается петрушка.
Знать, заменить не может
погремушка
Естественного голоса души.

Прощание

Пахло морем,
дождем,
грибами
На исходе сентябрьского дня...
За качающимися
гробами
Шла рыбацких кровей родня.

По отцу-океану
сродники
Шли в рыданиях вдов и невест,
И в четыре трубы без роздыха
Скорбно жаловался
оркестр,

И в звучанье его безвыходном,
По-рыбацки упрям и суров,
Барабан проступал,
как выхлопы
В океан уходящих судов...

Схоронили их честь по чести:
Пять гробов поставили вместе

И одну им на всех
из жести
Укрепили звезду в головах.

Расходились.
Уже смеркалось.
Рыбаки неловко сморкались,
Папироски мяли в зубах.
Все покуривали,
да покашливали,
Да еще, бередя тишину,
Где-то волны
берег заглаживали,
Как заглаживают вину.

Ночь упала — и сразу сгинул
В ней поселок — ни огонька.
Был сентябрь.
Продолжалась путина,
Значит, рано вставать рыбакам...

Географ

Мне рассказывали
 про географа —
Удивительный был чудак!
Проживал — в океане островом,
А жилье-то имел — чердак!
Неуклюжий,
 как старые чеботы,
В старомодном ходил пальто.
И под тяжестью клички
 «чокнутый»
Тихо горбился...

 Но зато
В час, когда руками над глобусом
Начинал он махать смешно —
Класс
 классический
 странным образом
Превращался черт знает во что!

Вдруг врывался
 метельными нордами
Ледовитый угрюмо и зло —
И привычные парты — нартами

Амундсеновскими

несло!

Вот, задумчиво брови нахмутив,
Близоруко на класс взглянув,
Прикоснулся чудак

к Амуру —

Словно руку в него окунул —
И со вздохом сказал:

— Холодеет...

И тайга начинает линять...

Неудачники

аж балдели,

Ничего не могли понять.

Мастера прошлогодним снегом

Порошить до старости лет

Все допытывались:

— Коллега,

В чем успехов ваших секрет?

Что он им отвечал — не помнят,

Где-то он давно опочил...

Неудачники кляли:

— Помер,

А искусству не обучил?!

Ах, не трите досадливо плеши!

И зачем его обижать.

Если вы мужчины,

то легче

Вам детей

научиться

рожать!

Может, были бы вы
поудачливей
Не в учительстве — в чем-то другом...

Вот такие творились
чужачества
С неизвестным мне
стариком.

Сентябрь

Уже заметно мой сосед,
Мальчишка,
 охладел к футболу,
И так ему охота в школу,
Что «аж под ложечкой сосет»!

И не решаюсь я щелчком
Его привычно припечатать —
Мне смутно видится

 Курчатов
В нем, озабоченном таком.

Но вот и в школу он с утра
Умчался улочкой гравийной.
А там — как в мастерской
 гранильной,
Когда в ударе мастера!
А вон, я вижу из окна,
Воздушный бант пронесит девочку —
Она,
 как мартовское деревце,
Немого трепета полна.

И ручку слабую — пусти! —
Из материнской рвет ладони...

Будь добр,
 будь терпелив, садовник, —
Взрасти, пожалуйста, взрасти!

Взрасти их,
 чтобы — корни, ветви,
Чтоб зелень помыслов — чиста.
Вдохни
 порывистость листа,
Из почки рвущегося к свету!

Помощник

Июль пьянящ, как медовуха,
И солнце спелое в зенит
Уже взбежало,

а над ухом

Комар назоўливо звенит.

Ногам и горячо, и колко,

И словно угли на спине...

Нам с мамой некогда — прополка —

И это так понятно мне!

Я тѣпкой взмахиваю споро,

От мамы я не отстаю.

Вот жалко, что обед

не скоро,

А я немного устаю.

Да пот — будь проклят! — он глаза мне,

Наверно, выест. Да жара.

Да вот еще под тяткой камни...

И пообедать бы пора!

А мама, видно, есть не хочет,

Платок у мамы пропотел...

— Ты б влез на дерево, сыночек,
Да мне бы песенки попел.
Уважь...

И, отдохнувши малость,
Взялась за тятку. Я ведь мал,
Чтобы понять, что это — жалость,
Я все за правду принимал.

Пою на дубе высоченном,
Добро, что рядом — никого.
Хочу, чтоб маме облегченье
От пенья вышло моего.

Про «штурмовые ночи Спасска»
Пою — как будто бы пою.
А сам гляжу,
 гляжу с опаской:
Не больно ль весело пою?

Я в песни вкладываю душу,
А маме некогда смотреть.
И песни глуше, глуше, глуше...
И вовсе расхотелось петь.

— Что кончил? Надоело, видно?..
— Угу.

Пылится полоса...
Смотреть мне почему-то стыдно
В родные, добрые глаза.

Собачки

Утрами, для поддержки аппетита,
Заботливей, чем бабушки внучат,
Хозяйки

 благодушных, апатичных
Выводят на прогулку собачат.

А те лоснятся с дармовых обедов,
Они мудры

 познанием действия клизм...
Прожить собакой, так и не изведав,
А что такое есть — собачья жизнь?!

Ни голодать,

 ни лазать по помойкам,
Ни вырвать из врага хоть шерсти клок!
И славиться искусством делать стойку
На задних лапках...

Горестный итог!

Залом

Что такое залом?
Это — сто́ит в изломе реки
Зацепиться бревну
Одному
Вопреки лесосплаву —
Как уж сотни других,
Напирая, встают на дыбки,
Словно дикие кони,
Не зная уздечной управы.
И пошла крутоверть!
На реке — словно бы на войне:
Имитация паники,
Магия зла и разрухи.
Словно чудом проснулись
Дремавшие страхи в бревне,
И встают на попа над рекою
Гигантские рюхи.
И, уже обезумев,
Бока обдирают со злом.
И, от запаха смол опьянев,
Птицы в воду срываются.
И моторы грохочут,
От усталости сплавщики валятся,

И стопушечно в небо палит неумолчно
Залом!

Не понять им — кедровым,
Дубовым, тупым — никогда!
Не свернуть на
Стремглав в поворот выходящие струи.
Им — куда-то «туда»,
Что, быть может, совсем не туда.
Лезут, рвутся упрямо...
А кажется — трусят!
Значит — надо спастись,
И можно
Друг друга топить —
Разве важно тогда
Кем какой выбирается способ?!
(Что-то было такое:
Война, окружение, тупик.
И Большая Медведица —
Знак не ковша, а вопроса...)
Но не даром, не даром
Дымятся рубахи у сплавщиков
И вступают машины
В бескровную эту войну.
И под натиском
Все-таки
Бревна сползают, как ящеры,
Глубоко зарываются
Медными лбами в волну.
И — смотри-ка — пошли
В одиночку,
По-ротно, по-взводно,
И все глуше и глуше

Гремит над рекою залом...
Это все лесосплав.
И река как река — с поворотом.
Ну, а если заломы —
На это и сплавщик
с багром.

* * *

**Что о войне я рассказать бы смог?..
И памяти сугробы проминая,
Всем существом я вдруг припоминаю
Безжалостно настойчивый
 гудок.**

Он — словно крик из сдавленной груди!
Он бьется в окна, мечется над крышей.
А я его и слышу, и не слышу...
Ах, мама, мама! Слышишь — не буди!

Повремени, гудочек, у крыльця!
(А мне пора. В печи трещат полешки...)
Гудочек, дай достроить мне
скворечню,
Уже весна — не обижай скворца!

Но — молоток из рук, мой сон — прощай!
Пожалуйста, скворцы, не обижайтесь...
К работе снаряжаюсь,
 обжигаясь,
Березовый дохлебываю чай.

Плохие твои вести, Левитан!
Я правлю фронт на карте из картонки.
Лепешки
из мороженой картошки
Засовывает мама в мой карман.

Смотри-ка ты, весна!
Бегу, бегу...
Ах, только бы скорее победили!
Еще гудок — и кромка победита,
Упрямая, вгрызается в чугун.

Мы точим мины — фронтовой заказ.
И про себя я начинаю думать,
Прикидываю, сколько может «сдунуть»
Фашистов
мой один такой фугас.

Подсчет меня ужасно веселит,
Насвистываю что-то вдохновенно...
Но — как длинна ты,
фронтовая смена!
И гнет она, и плакать не велит.

Но плачу я!
в том нет моей вины,
Что щи — пусты, а сам я — не двужильный...

Вот так они, мне помнится,
и жили
Твои, Россия, малые сыны.

Лейтенанты

Гарнизонным начальством отпущены
Лейтенантам веселые дни.

Гарнизоны богаты
пушками,
А девушками вот — бедны.

Рада, рада столица районная
Лейтенантов своих привечать!
Будет клуб
от души радиоловой
Допоздна лейтенантов качать.

И всего-то по звездочке воздано
Молодым, неокрепшим плечам,
Но зато
генеральскими звездами
Полыхать им в глазах у девчат!

На веселых на них,
на молоденьких
Все дежурная грустно глядит
И зовет лейтенантов
«володеньками»,
Память в сердце своем бережит.

Будто видит: заходит он в горницу,
Высыхают слова на губах.
А в петлицах — по треугольничку
И по чертику — в синих глазах.

Но споткнулся Володя
на Одере,
Под свинцовым огнем, впереди.
Все забыто, забыто...
А вроде бы
Это он прокричал: «Выходи!»

И уходят.
Ах, как они веселы
И натянуты, как тетива!
И смешно:
«Упаси от агрессии», —
Командирская шепчет вдова.

* * *

Ах, Петька!

Кто подумать мог бы,
Что изведет его война!..

Как гордо

ГТО и МОПРа

С груди сверкали ордена.
Другого не было в округе
Такого же весельчака...

Война.

Пришел он одноруким
И нервно дергалась щека.

Но — жив! В системе общепита

Он чем-то после торговал.

Но что-то было в нем

убито

Войной проклятой наповал.

И все, что раньше в Петьке пело,

Теперь стонало и тряслось.

«Вот вас туда, и в то бы пекло!»

Срывал на бабах Петька злость.

А бабы вслед ему рыдали,
Когда селом он проходил.
И все казалось:
не медали —
Осколки звякали в груди...

Совесть века

Земля...

Она века

Сама себя врачует
С упорством бедняка,
Латающего

лачугу.

Косой язык дождей
Остатки ран залижет,
И вымахнет пырей
На пепелищах рыжих.
В траншейной глубине
Ручьи проложат русла,
Там,

где лицом к войне

Упал солдат на бруствер.

И прост,

и величав

В своем последнем шаге,

Упал,

недокричав

Призывный крик атаки.

Упал он,

оросив

Горячей кровью травы.

Упал,
недокосив
В лугах густой отавы.
Упал,
недорубив
Добротных изб по селам.
Упал,
недолюбив
Своей жены веселой...
Здесь — бой,
там — сенокос,
Земля — она большая.
Не прострелить насквозь
Земные полушарья.
Солдат к земле приник,
А где-то
тишь рассвета
Прорезал первый крик
Другого человека.
Был он
потешно мал,
Но трубный глас рожденья
Вдруг пересилил шквал
Далекого сраженья!
Облаенный пальбой,
На зло смертям он выжил,
И в час предсмертный свой
Его солдат услышал.
Услышал,
уловил
Его в полынном ветре.
Вздохнул,
благословил —
И с тем ушел в бессмертье...

Хорош улов,
 да тяжек.
А тот, кто мог бы им
Помочь — силен и весел, —
Ушел путем былин
И неизбывных песен.
(...Упал он,
 оросив
Горячей кровью травы,
Упал,
 недокосив
В лугах густой отавы...)
Скользит канат в руке,
Того гляди — сорвется...
Но жилкой на виске
Солдатский голос бьется!
«Сберег я вашу жизнь,
А как с моим покосом?..»
— А ну, поднавались! —
Пошло греметь над плесом.

...Уж ветерок лозу
Предутренне качает,
И все щедрей лазурь
Свод неба источает.
А двое все сидят —
Им ночи было мало.
Глаза в глаза глядят
Доверчиво и тало.
Их ночь могла связать,
Но не хватило снова
Всей ночи,
 чтоб сказать
Одно большое слово.

Слова...

Слова...

Слова...

Любовь...

Люблю...

Любимый...

Их ворошит трава,

И вкус у них полынный...

(...Упал,

недорубив

Добротных изб по селам.

Упал,

недолюбив

Своей жены веселой...)

Трава в земле нашла

Слова

в убитом сердце.

Их угнетает мгла,

Им нужно жить и петься!

Они прошли сквозь смерть —

Смерть разве их задушит?!

И смерть кричит:

— Не смей

Шептать их равнодушно!

Их люди пронесли

Сквозь тюрьмы и подполье,

Их защищая,

шли

В застенки и под пули.

Убито — сколько там,

В окопах,

в моабитах!..

Прислушайтесь к цветам —

Вы слышите?

«Любите!
За тех, кто пролил кровь,
За павшего солдата.
Но помните:
любовь
Вовек и присно — свята!..»

...В траншейной глубине
Ручьев весенних русла,
Там,
где лицом к войне
Упал солдат на бруствер.
Упал — и вновь восстал,
Взошел, бронзоголовый,
На камень-пьедестал,
Сурово сдвинув брови.
Горит его чело,
Блестят его патроны...
Недвижно и светло
Пред ним — его потомок.
Он шепчет:

«Я — должник,
Ты слышишь? В самом деле!
Ты пал,
а я возник...
Мы жизнь с тобой разделим!
И сердце горячо
В твоей груди забьется...»
А тот — вперед плечо
С друзьями остается.
Как в свой предсмертный час,
На ветер грудью — замер.
Глядит
на смертных нас

Бессмертными глазами.
Глядит — как говорит:
«С тобой идти —
 куда мне?!

Ведь я из бронзы слит,
Мне в самый раз —
 на камне.

Мне быть в твоей судьбе
Причалом и началом...
Я думал о тебе
Окопными ночами.
И с этой думой я
Последний шаг отмерил.
Но что мне
 смерть моя,
Когда в тебя я верил!
Я неспроста стою,
Навек в металл закован:
Стою я — как в строю
Стоит
 правофланговый!
Иди — упрям и чист —
И постигай равненье...»
Так кончил коммунист
Свое благословенье.

...Над толчеей дорог,
Над жизнью человека
Стоит он — чист и строг —
Как честь и совесть
 века.

Танцы

После долгой войны и победной,
Грозным пламенем битв опален,
Средь домов,
 дистрофически бледных,
Победителей стал батальон —

Отдохнуть и водицы напиться,
Утомил их большой переход.
И не праздным влеком
любопытством,
Потянулся поселком народ.

Победители истово пили
Из ковшей поднесенных до дна,
И отчаянным блеском слепили
Всех мастей на груди
ордена.

Ветерком среди зрителей смутно
То ли смех, то ли вздох, то ли стон...

Но рассыпался вдруг
Перламутровый аккордеон!

Вот разведку — как перед боем —
Перебором солдат завершил,
И сердечное что-то такое
Тихо пальцами заворошил.

Разом — словно прибавилось света,
Будто облачко с солнца сошло!
И танцоров,
 сурово одетых,
Закружило уже, понесло!

Были бабы
 тихи и покорны,
Всю войну отходяв в мужиках.
Были платья
 заметно просторны,
Всю войну отлежав в сундуках.

Но мелодия легкость дарила —
Веселей, музыкант, веселей!
Хоть ждала еще
тетка Мария
Трех убитых своих сыновей.

Но взлетали крылатые платья!
Хоть еще под высокий аккорд
Пробивалась в мелодии плачем
Музыканта великая скорбь.

Ох, как все разучились смеяться!
Ох, мутна в половодье вода!
Ей еще предстоит
отстояться.
Отстоится еще, не беда...

Чистильщик

Он — чистильщик.
Он говорит: «Почистим?»
Сгребает щетки
В цепкие ручищи —
И вспархивают щетки,
Как грачи.
И сам он — словно грач,
Тяжел и черен,
Которому, надолго опечалив,
Весенний ливень
Крылья размочил.
Почистив — ждет...
И снова оживает —
И снова птицы крыльями стригут!..
И говорят — он крепко
Зашибает
На этом деле
Грешную деньги.
Завистники
За этим видят дачу,
Как и всегда на выдумку легки.
Но вышло так, что мы его
Богаче.
Как ни старайся он,

А мы богаче,
Уж так пришлось,
На целых две ноги...
Он будто в землю врос —
И не подняться,
Подоткнуты штанины под ремень...
Они ему, должно быть,
Часто снятся
Горячие,
В переплетеньях вен.
Ах, эти сны!
Безжалостны, как обух.
Но разве их переиначишь,
Сны?..
Он в каждом сне
Под вывескою «Обувь»
Простаивает долгие часы.
Каких там только нет
Мастей, фасонов!
Он начинает жадно примерять
И... медлит. Да...
А медлить нет резона!
И по матрасу шарит,
И спросонья
Он что-то долго силится понять...
А может быть, —
Уже который год!
Ему все снится
Поле и окоп.
И пляска мин,
И властный крик призыва.
Бросок.
Еще бросок...
И — вспышка взрыва!

И далеко отброшенный сапог —
Такой знакомый
И кровоточивый...

Я шлепаю по лужам
Парой ног.
Ботинок ставлю лихо
На приступку —
Разношенный,
Разбитый, как рыдван.
А он качает головой:
«Преступно
Так относиться к собственным ногам...»
О чем-то думает,
Роняет крем сапожный
И говорит растерянно:
«Вот дожил!
Все валится из рук...
Ты... помоги...»

«И сколько вам
За все?» —
«А много можешь?...» —
Пронзительно глядит из-под руки.
Я ухожу.
И пристыжен, — встревожен,
Я как-то странно думаю,
Что все же
Как это много —
целых две ноги!

Одуванчик

Во что играет этот тихий мальчик?
Наверное, «в себя» играет он,
Когда срывает
 белый одуванчик
И обдувает с четырех сторон.

И кружится тычинок рой несметный,
Не в силах невесомость одолеть...
Несметно их, а потому —
бессмертен
Веселый одуванчик на земле!

**Заманчива судьба его, заманчива:
Вновь по лугам взойти и по лесам.**

Играет мальчик.
И от одуванчиков
Седым-седа могила партизан.

* * *

Ко мне, совсем не преднамеренно,
Почти с уменьем говорить
Пришло
 веселое умение
Тугие луки мастерить.

И в весны светлые и полые
Скворцам вдогон
 из-за ствола
Взлетала радостная,
 подлая,
Неотвратимая стрела.

И птицы горько
 крылья вскидывали,
Уже предчувствуя конец.
За что мне сверстники
 завидовали
И крепко драл меня отец.

Вот так творил я зло
 безгрешно,
Теперь-то многое видней...

Да, ясно помню,
 что скворечни
Я выучился
 мастерить
 поздней.

* * *

До громких не охочие речей,
Мы всем гуртом, ремонтною бригадой,
Любили — в том грехе признаться надо —
Отъявленных послушать трепачей.

Один такой — ну, помню, заливал!
Качали головой: мели, Емеля...
То анекдот, то сон.

А то, с похмелья,
Про то, как женщин он одолевал.

Так смаковал он, что в печи огонь
Трещал, казалось, от стыда и злости...
Он по поселку слыл желанным гостем,
А все —
за жалостливую гармонь.

Талантлив был, признаться, рыжий черт!
Когда, хмелея, он ее растянет —
То в человеке
словно что растает
И по щекам слезами потечет.

Солдатки плакали (а жив ли еще муж?)
И вдовы —
 над судьбою горемычной.
А он считал гармонь
 своей отмычкой —
Не более — от мягких бабьих душ.

Смеялись мы, журили — так, без зла,
И — что скрывать — завидовали даже!
И баб за слабость кляли.
 Но однажды

К нам в мастерскую
 женщина вошла.

Вот медленно нас взглядом обвела,
Застывших удивленно за станками,
И гармониста отыскав глазами,
Вдруг на него
 невидяще
 пошла.

Станок последний в мастерской затих,
Когда она вплотную подступила.
И плюнула в лицо.
 И возвратила
Нам, грубым, веру
 в слабых, но — святых!

Кузьминишна

Живем.

В командировке мы.

Дела рассвета ждут,

Они потом нас

лодками

По службам разнесут.

Весь день мы будем

маяться,

Без отдыха при том.

И в чем-то мы

обманемся,

И что-то обречем...

Но вот к жилью казенному

Причалю на ночлег —

И стронется поземкою

Воспоминаний снег,

И в тишине гостиничной

Заботы омрачат...

Ко мне зайдет

Кузьминишна

И пригласит на чай.

Директор и уборщица

Она в одном лице —

В лице,
 годами сморщенном,
В седых волос венце.
В платке,
 в цветастом фартуке,
А я — из сыновей.
И станет сыпать фактами
Из жизни из своей:
Мол, кто-то там
 кого-то
За что-то полюбил.
И кто-то там
 за что-то
Кого-то погубил...
От тихого и плавного
Рассказа-ручейка
Начнет легонько
 плавиться
В душе моей тоска...

Люблю
 в тиши гостиничной
У белого стола
Поговорить
 с Кузьминишной
Про всякие дела.

Рыбацкие жены

Сходят шагом тяжелым
Рыбаки на причал,
И лучистые жены
Припадают к плечам.
И — в обнимку от пристани,
Им плевать на молву.
Пусть молва

 столько выстоит
На туманном молу.
Пусть побредит бессонницей
В равных году ночах,
Чтоб постигнуть
 бессовестность
В честных бабьих очах...

— Где болтались,
 пропавшие?
— Чем прельстил океан?..

Робы, морем пропахшие,
Спрячут жены в чулан.
Спрячут море за шторами —
Не сманило б мужей.
Станут мягко покорными,
Первых ливней свежей...

Подобреют мужчины,
Станут ликом светлы.
И заборы починят,
Перестелют полы.
Будут хаживать пашней
И выкашивать луг...

Только
 косу однажды
Муж уронит из рук.
И прислушавшись тоже,
Вдруг услышит жена:
Там далеко,
 похоже,
Бьется в берег волна!
Ходит море раздольно,
Стелет море пути...

Что-то горько и больно
Оборвется в груди.

* * *

«Обид страшитесь!

Под семейной крышей
Обидам не давайте гнезда вить!»
Пусть говорят. Есть правда и повыше.
А этой — нас с тобой не убедить.

Обид — их столько жизнь нам омрачало!
И вместе нам и дня бы не прожить,
Когда бы ты обид мне не прощала,
Когда бы я их мог себе простить.

* * *

О как ты мне мешаешь!
Как мешаешь!
Уже строку пронизывает дрожь,
А ты
В стакане ложечкой мешаешь
И звонко-звонко
К ужину зовешь.

Уже полуповерженному замыслу
В последний раз
Навязываю бой!..
Какой-то очень светлой
И незамкнутой
Заходишь ты:
— Я... посижу с тобой...

Но, нет!
Душа зовет к раскрепощенью!
Куда-нибудь,
Хоть за десять морей!
Как тянется томительно
Прощанье:
— Будь умницей...
— Да, да...
Скорей! Скорей!

И — все.
И ты
уже не угрожаешь
Ни вымыслам,
Ни замыслам моим...

О, господи!
Ну как ты мне
Мешаешь!
Мешаешь мне
Отсутствием своим!

* * *

В безветрие на землю падал снег,
На землю, где лимоны продавали...
Недвижный на ознобном тротуаре,
Чему-то улыбался человек.

Он вдаль смотрел, не видя ничего.
Улыбка, как проталинка.

Морщинки

Лучились, словно б это не снежинки —
Смешинки осыпались на него.

И люди обходили с двух сторон
Его, такого: видно — понимали,
Как должное все это принимали...
А все-таки

с чего бы это он?

Дождь

Дождь моего прихода не дождался...

По улицам носились ребяташки —
И хохотали,
 и большие солнца
Ножонками дробили, как стекло.
И все вокруг — трамваи и деревья —
Сверкало, как облитое глазурью,
И воздух был шипуч,
 что газировка,
И небо полыхало синевой.
Светился город радостно и влажно...
Но все-таки чего-то не хватало
В симфонии, волнующей меня.
А вот чего? — не мог я догадаться.
Но вышло так, что проходивший тополь —
Подросток
 с «неудом» по поведению —
Вдруг каплю мне за ворот уронил.
Я вздрогнул.
 Замер...
 И зашлось дыхание,
Когда она скользнула меж лопаток!
И понял я: недостает дождя.

Дождя! Дождя!

Чтоб полоснули струи
По телу, разомлевшему от зноя,
По голове, уставшей от раздумий;
Чтоб грозовые яростные токи
Прошли по струям
и достигли сердца,
И в сердце — разрядились наконец!
Все это длилось, может быть, мгновенье,
Пока я думал так,

и в благодарность
За скорое решение загадки
Упругий стволлик я качнул плечом.
Он вздрогнул (неожиданность!) —
и тут же
Обрушил на меня каскад дождинок:
Хотел дождя — не жалуйся теперь!
Все это было так неповторимо,
Так дружески

и так по-человечьи,
Что я не мог сдержаться — рассмеялся!
И, ухватившись за него руками,
Стал с яростной веселостью трясти:
Давай! Давай!

Одаривай!

Спасибо!

Я опоздал к дождю — а он так нужен
Для полноты,
и чтоб светло писались
Мои стихи о радостном дожде!
Еще! Еще!

Чтоб я навек запомнил,
Что в час тоски и в час моей работы
Ты для меня упрямо сберегаешь

Частицы
очистительной грозы.

...И уходя уже,
я наклонился
И различил — едва-едва — травинку:
Она, сгибаясь до земли,
держала
Огромную и солнечную каплю —
Наверно, берегла
для муравья.

* * *

Судача о взаимоотношениях
С природой, мы привыкли повторять,
Что, дескать, невзирая на лишения,
Мы призваны
природу
покорять.

Все правильно: даешь создание базиса!
Но в грохоте призывов —
«Приналечь!»
Она все больше кажется
оазисом,
Который очень хочется беречь.

И мнится, что она,
гнилую мутность
Вод сточных принимая в русла рек,
Тревожится:
ужели это — мудрость,
Которой так гордится Человек?

Но гибнет рыба, не дожив до нереста,
Таежная лысеет сторона...
А ей, природе,
все-таки не верится,
Что так вот обесценена она.

О, лозунг иждивенческий —

«Несметно

Природой уготовано даров!»

Несметно ли?

Ведь мы-то с вами — смертны,

А ей века одаривать народ.

Дары ее, как хлеб и соль потомкам,

Возложены на щедрую ладонь...

Тайга, тайга...

Зеленые потемки

Озвучены на тысячу ладов.

Вы слышите?

Под взмахом покорителя

Почувствовав бессилие свое,

Зовет, зовет природа

покровителя,

Который смог бы защитить ее!

* * *

Стихи звенят и кованно гремят,
По-разному зал слушает поэтов...
Вон там,

на грани темноты и света,
Мне видится колеблющийся ряд.

Как в бой солдат, туда бросаю стих,
Мне важно знать, как ряд тот реагирует:
Что радует их там,
а что шокирует —
Где отступил я и чего достиг?

Они так выжидательно глядят!
Я знаю их, бывал для интереса:
Ушибленные малость интеллектом,
О чем они в кругу своем галдят?

Космогоничен интересов круг,
И весь галдеж их кажется беззлобным,
Но получалось, будто я — безродный,
Россия исчезала как-то вдруг.

И поучали: «Будь самим собой!»
(О чем, конечно, помнить нам нелишне...)

Зал просит прочитать
сугубо личное:
«Свое! Свое!» — кричат наперебой.

Они кричат... И, светом залитой,
Читаю им, уж если попросили,
Про очень,
очень личную
Россию...

А те с ухмылкой шепчутся: «Святой...»

Да, да, святой. Вы правы:

СКВОЗЬ ГОДА

Несу я эту святость неизменной.

А ваших заслужить аплодисментов —

Не приведись мне в жизни никогда!

Заклятие на песке

Пески, пески

с глухой тоской

Горбятся миражно.

Текут невидимо

пески,

Как по спине мурашки...

А я за юркой ящеркой
Задумчиво слежу.
А я сижу на ящике —
Песочек ворошу,
Заклятие пишу...

Пескам за ветром кочевать,
Не вековать им в дюнах.
Меня из сердца вырывать
Ты, милая, не вздумай!

В него, как в землю, я пустил
Свои глубоко корни.
До тех мне пор дано цвести —
Оно покуда кормит.
Покуда щедрое оно
Дарит тепло и свежесть...

Но и земле ведь жить дано,
Покуда корни держат.

А без травы да без леска
Под лаской суховея
Она иссохнет
до песка,
Навеки овдовеет.

И не маши в ответ рукой:
«Другой вратет,
раскинется!»
А тот, другой — недорогой —
Не примется,
не примется!

...Не я один
заклятия
Вот так писал с тоски,
Да все их
позагладили
Сыпучие пески...

* * *

Беспамятство. Песенка спета.
У тяжести смертной в плену,
На миг только вынырнув к свету,
Уже безвозвратно тону.

Упал я
с кораблика за борт,
Уплыл он, меня обронея...

Но крепкий,
пронзительный запах
Во тьме настигает меня.

И, как утопающий руку,
Ловлю я ноздрями его.
«Мне булку, — пищу я, —
мне булку!» —
Не видя еще ничего.

«О господи! Кажется, ожил», —
По голосу мать узнаю,
А сам
с непослушною дрожью
Желанную булку жую...

Тот запах,
 спасительно добрый.
Надеждой мне в душу запал.
Немало той булке подобных
Я съел.
 Да такой — не едал.

А может, я булку придумал
И сам же поверил в нее?
А может быть, пекарь тот
 умер,
Не выдав уменье свое?..

Но запах,
 так памятный с детства,
Года заглушить не смогли...

Узнать:
 из какого же теста
Те булочки в детстве пекли?
А то ведь случись-ка,
 что буду
Кричать в злополучную ночь:
«Мне булку бы, люди,
 мне булку!...»
А чем они смогут помочь...

* * *

Заболе́л я, друзья. Захворал...
Где-то женщина дрогнет осиной.
Зна́ть, меня,
 ее блудного сына,
Бывший бог в горячах покарал.
И тоска — уголька́ми в золе —
По рукам ее,
 трепетно мягким,
По лугам ее,
 пахну́щим мятой,
Ах, как пахнет трава на заре!

Ма́ть моя!..
 А бороздки морщин —
Как озябшие ветки березки.
Мы ве́дь отпрыски,
 дети,
 отростки
Под сурово́ю маско́й мужчи́н.

Отклика́ется де́тство мое́,
Словно птица́м лета́ющим —
 подрано́к...
В э́той трону́той о́сенью рани́
Ма́теринское что-то твое́ —

В пожелтевших лугах (отцвели...),
В том, как руки деревья смыкают...

Мне тоска по тебе

помогает

Понимать материнство земли.

А луга, а луга-то — в слезах...

Я приеду к тебе

почаевничать

(Не разбилось ли блюдце с каемочкой?)

И в твоих затеряться лесах.

Встанет лес твой, меня заслоня

От наветов, от бед, от болезней...

Да, надолго

твой светлый березник

От болезней излечит меня...

* * *

В. Соломатову

Ну вот подкатило: устало, потерянно
Тоскуем
 девчонкой крестьянской — во тереме,
Столбом телеграфным под ветром — по дереву...
А город, а каменный — что он поделает?

Нам — в лес бы.
 Как хочется лесом полазить!
С полесьем-поречьем сердечно поладить,
Наладить свои отношения
 с природой...
Давай-ка — уедем. Давай-ка — побродим.

Спасибо же, город, за все.
 За учебу.
Уходим — как звери лечиться — в чащобу,
От споров о спорте,
 от музыки в холле —
В глухие леса, как в себя, мы уходим.

Уходим, как в землю таежную — корни.
Туда,
 где пасутся тревожные кони,

Где гордо трубят молодые изюбры...
Туда, под начало крутых лесорубов.

И мы
рукава закатаем по локоть —
И дробное эхо покатится логом!
Упругое, круглое — можно потрогать! —
Под взмах топора будет весело окать.

Тринадцать раз
встанет солнце из плавней,
Пока мы поймем: не писать мы не в праве
О травах,
не ведающих о потраве,
О сплаве веселья и силы
на сплаве.

Поэзия, где ты?..
Поэзия — в кронах
В дыхании сплавщиков, сонном и ровном.
Поэзия в речке,
сплавляющей бревна,
И в речи,
по-русски густой и ядреной

Звучит переливчато,
трубно,
стихийно...
А в руки дадутся такие стихи нам,
Чтоб эхом
по улиц сквозному пробору?!.
Пусти же нас, город!
Прости же нас, город...

НАЧАЛО ДНЯ

Начало дня.
Серебряные спицы
Роняет солнце в рыжую траву,
И высоко
Стремительные птицы
Звениящую
Пронесут тетиву.
Зверьки,
Отзоревав над мелководьем,
Как в тайники,
Уходят в тальники,
И тонкая
Рассветная мелодия
Таинственно исходит
От реки.
И дальний лес
Объят высоким пламенем,
И каждый куст
Своим огнем горит.
Печаль и радость
Воедино
Сплавлены...
За что тебя — о, день! —
Благодарить?

За то ли,
Что все ясно и открыто:
Чем жил
И то, что будет — наперед?..
А надо мною
Молодые крылья
Уносят птиц в далекий перелет.
Я говорю:
«Спасибо, Мать-Природа,
Что от меня
Не отвела лица...»
И дню
Еще далеко
До исхода.
Как, впрочем, мне
Далеко
До конца.

Брусника

Вот в тягость мне
 тяга возникла,
Хочу, да никак не пройдет.
И снится, и снится
 брусника
Которую ночь напролет.

Крутые бугристые склоны
Встают из тумана вдали,
Как будто большие ладони
Без усталости щедрой земли.

Там грустные бродят медведи
В предчувствии скорой зимы...
И я уйду на рассвете
От города и от жены.

Туда не пробито тропинки,
Там скалы обвалом грозят.
Брусничники,
 словно кровинки,
На тоненьких ветках висят.

Раскинулись росно и рясно,
Не мял их никто и не рвал.
И верится — скатертью красной
Высокий накрыт перевал!

Так рады нежданному гостю,
Пришелся, видать, ко двору.
И радуюсь я,

и из горсти
Бруснику губами беру.

А сок ее вяжет горчинкой —
Той, в радости малой горчинкой —
И болен я ей, и здоров...

Порезал я палец травинкой —
И капает, капает кровь
На землю,

на мокрые травы,
И надо порез залечить.
И капельки красной утраты
От ягод мне
не отличить...

Песня

Певуч песок, и пригоршни распадков
Налиты звонким солнцем до краев.
А на реке
 в своей лодчонке шаткой
У берега гортанно ульч поет.

Поет себе, с коленей руки свесив,
До отрешенья песней увлечен...
О чем она,
 его большая песня?
О чем она?.. Да важно ли — о чем?!

Как солнцем пади,
 ею он наполнен
И, может, сам не постигает слов.
Закрой глаза — и ты услышишь
 полдень,
И всплеск воды под медленным веслом.

О чем она?..
 Но загудел в ней ветер,
 И понеслись навстречу острова!
 Слова журчат.
 Слова — как за борт сети...
 А может, песне не нужны
 слова?

* * *

И раньше было:
 тенькала капель,
Подснежник цвел, и пахло снегом талым...
Все в пеструю сливалось карусель
И с тем свое значение теряло:

Ну, капнуло. Ну, что-то расцвело.
Событие нашли — скажи на милость!
Но зрелость шла — морщинила чело
И легкостью все больше тяготилась.

И — взгляд острей. И горше вкус потерь.
И стало вдруг необычайно важным,
Что вот капель уже,
 и, запотев,
Ствол деревца стал непривычно влажным.

Что скоро вспыхнут
 хрупкие на вид
Подснежники рискованно и нежно.
Снег ворошу...
 Как будто не из снега —
Им из души пробиться предстоит.

Листопад

Вы тихо бродите по скверу,
Высокий и немолодой.
А на душе, должно быть, скверно:
Ко лбу подносите ладонь,
О чем-то думаете долго...

Ах, этот тихий листопад!
Опять,
 опять, как в листьях волглых,
В воспоминаньях утопать.

Вновь уходить
 светло и грустно
В уже не близкие года,
Что толчеей и многолюдством
Напоминают города.

Там все по-прежнему — и старость
Вовеки не коснется их.
Недаром много в них осталось
Друзей-товарищей твоих.

Года, как знаки Зодиака,
Пылают и уходят вспять.

Жаль только,
 что по этим знакам
Круговращенья не начать.

Да, не вернетесь, не вернетесь,
Живой обрызганы водой,
Туда,
 где весело смеетесь
Вы, неприлично молодой:

Глаза распахнуты влюбленно,
И ни сединки на висках.
Пылающий
 листочек клена
Небрежно вертите в руках...

А листья — как они умели
Дарить прохладу в летний зной!
И как воинственно шумели —
А не немели! — пред грозой.

Они достойны уваженья:
Ведь это надо же уметь —
Перегореть в огне сражений
В такую
радостную медь.

* * *

Войди в весну.
Поверь ее посулам:
И солнцем истекающим
Сосулькам,
И голубому таинству
Проталин,
Пробивших ноздреватые снега,
И всей земле,
Открытой для братанья,
Как никогда, быть может,
За века.
Проникнись
Временной метаморфозой:
Снег,
Тонкое творение мороза,
Что в эту пору
Так напоминает
Раздумья застарелые твои,
Берет весна в ладони
И сминает,
Что значит — воду талую
Творит...
Ты походи подольше.
Помолчи.

И чуточку растерянно и жутко
Почувствуешь,
Невольно оробев:
То, что со снегом происходит
Жухлым, —
Незримо происходит
И в тебе...

* * *

Мне разумом вполне понятна,
Жизнь,
Жестокая твоя необходимость
Рубить леса,
Стрелять упрямо живность...
Попробуй от такого
Откажись.
Но иногда...
Вот, исходя щепой,
Вдруг дерево подрубленное —
Наземь!
И сердце,
Криком разрывая разум,
Зовет прижаться к дереву
Щекой.
Зачем его!
Пусть, души веселя,
Шумит листвою
Весенне и невнятно.
Его так страстно
Врачевали дятлы,
И щедро так кормила
Мать-Земля...
Зачем ее! —

Когда, ударив влет,
Слепой свинец окрасит кровью
Перья.
Ей так светло
В высоком небе
Пелось...
И где-то птенчик тепленький
Живет!
Судить меня за слабость
Обожди —
Ты слышишь, жизнь?!
Душа покуда в теле,
Дано нам помнить
Горькие потери,
Что, видит бог, меня
Не обошли.

* * *

Мы как навалимся —
Попробуй,
Пойди отбейся —
Черта с два!
Тут эрудиция —
Как обух,
И как пощечины —
Слова.

Бьем в щит врага:
— Держись, неверный!
Нас — свора:
— Бей его, чтоб — с ног!..
Того не видим:
Щит — фанерный,
А сам «неверный» —
Одинок.

Мы после
Будем виновато
Чесать затылки:
Как же — вдруг?..
Когда в обломки —
Щит и латы.
Когда протянет ноги
Друг!

* * *

В заснувшем городе меня
Шаги мои же — оглушали.
Трамваи редкие, звеня,
Глухую ночь перебегали.
Звенели буднично они,
Ничем особо не тревожа...
Но вот
 пронес свои огни
Один, на прочих не похожий:
Он осторожно тормозил,
Как будто приседал на лапах,
Звенел тревожно,
 как грозил,
А то скрипел — как будто плакал.
То порывался — и не мог
На тонких дугах
 удавиться.
Подумалось: «Избави бог!»
И я совсем не удивился,
Когда
 в глубокой тишине,
Одним фонариком увенчанной,
Сошла,
 шатаясь, как во сне,
С трамвая
 плачущая женщина.

Темнота

Такая ночь — потатчица врагу!

В ней даже море дышит
обреченно.

И сам я на пустынном берегу,
Как бы обмотан простынею черной.

И все пути вперед
затворены,
И ничего не видно на полшага...

Но вдруг

откуда-то со стороны
Ударил луч, стремительный, как шпага.
Помедлив чуть,

рванулся напрямик,
Отточенный, он перерезал косо
Густую ночь — и в тот же самый миг
Ударил в грудь гигантского утеса.
Отпрянув,

он медлительно пополз —
И всплесками по черному экрану
Прошли дома, причал,
горбатый мост —
И луч исчез, как будто в воду канул.

И гуще темень.

Только ей теперь
Сознание не хотело покориться.
Так чувствуешь в глухом подвале

дверь,
Готовую в любой момент открыться.

Первый снег

Туда — где снег и чист, и гладок,
Еще не тронут кутерьмой...

Как хорошо

от неполадок

Податься к чистоте самой.

Уйти

и постоять покойно,

Забыв сомнения свои.

Пусть где-то тихо и окольно

Бродяжат горести твои —

Почти не слышимые бродят

Твоя печаль, твои грехи

(Вот так сквозь лед

едва доходят

Глухие рокоты реки).

Что было спорного и злого —

Все отступилось от души.

И только суть,

твоя основа

К земной прикована тиши...

СОДЕРЖАНИЕ

Окна мастерской	3
«Из разночтения, разномастья»	5
Размышления на угольном разрезе	6
«Кто выдумал: «Старо, как мир»?».	8
Механик	9
Утро в селе	11
«Уснули в бревенчатом доме»	13
В рессорном цехе	16
«То отблестело, что блистало»	18
Амурск	19
Шаг времени	21
«Сердечно приветил меня»	23
«К речам высоким»	25
Прощание	26
Географ	28
Сентябрь	31
Помощник.	33
Собачки	35
Залом	36
«Что о войне я рассказать бы смог?»	39
Лейтенанты	41
«Ах, Петька! Кто подумать мог бы»	43
Совесьт века	45
Танцы	52

Чистильщик	54
Одуванчик	57
«Ко мне, совсем не преднамеренно»	58
«До громких не охочие речей»	60
Кузьминишна	62
Рыбацкие жены	64
«Обид страшитесь!»	66
«О как ты мне мешаешь!»	67
«В безветрие на землю падал снег»	69
Дождь	70
«Судача о взаимоотношениях»	73
«Стихи звенят и кованно гремят»	75
Заклятье на песке	77
«Беспамятство. Песенка спета»	79
«Заболел я, друзья. Захворал»	81
«Ну вот подкатило: устало, потерянно»	83
Начало дня	85
Брусника	87
Песня	89
«И раньше было: тенькала капель»	90
Листопад	91
«Войди в весну»	93
«Мне разумом вполне понятна»	95
«Мы как навалимся»	97
«В заснувшем городе меня»	98
Темнота	99
Первый снег	101

МИХАИЛ ФЕОФАНОВИЧ АСЛАМОВ

НАЧАЛО ДНЯ

Хабаровское книжное издательство,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Редактор П. Н. Богоявленский.

Художник А. И. Шавард.

Художественный редактор Г. П. Зинченко.

Технический редактор Н. Ю. Сидоренко.

Корректор П. К. Мельницина.



Сдано в набор 15/1 1966 г.

Подписано к печати 3/III 1966 г. ВЛ 13097.

Бумага на текст типографская № 2, на супер-
обложку — мелованная. Формат 70×90/₃₂ —

1,625 б. л., 3,8 п. л., 3,126 уч. л. изд. л.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 379. Цена 19 коп.



Типография № 1, Краевого управления по печати,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

19 коп.

